

КНИГА ЗА КНИГОЙ

М. Ефетов

ДЕВОЧКА
ИЗ СТАЛИНГРАДА

ДЕТГИЗ · 1959

КНИГА ЗА КНИГОЙ

М. Ефетов

ДЕВОЧКА ИЗ СТАЛИНГРАДА

Рассказ

Рисунки К. Безбородова

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1959

От автора

Нет, должно быть, города на земном шаре, который так, как Сталинград, заставлял бы вспоминать проклятое слово «война». И в то же время с именем героического Сталинграда связываем мы счастливое слово «мир».

В Сталинграде я был в дни Великой Отечественной войны и в дни мира. Здесь я видел дом, от которого войну повернули обратно: от Волги — на Берлин. Четырнадцать шагов перед этим домом были последними шагами, которые враг не смог сделать по нашей земле. Здесь же, в нескольких шагах от врагов, провела два месяца маленькая девочка без фамилии, по имени Света.

О ней, о городе-герое Сталинграде, о доме, который носит имя сержанта Павлова, я рассказал в этой книжке.

1

Когда фашисты ворвались в Сталинград, каждый дом был превращён в крепость. Бывало, в первом этаже засядут враги, а со второго этажа их бьют наши. Ворвутся фашисты в прихожую, а наши стреляют в них из кухни.

Бились не только за каждую улицу и за каждый квартал, но за каждый дом, за каждую квартиру, за каждую комнату. Был приказ: «Не подпускать к Волге фашистов! Сталинград врагу не сдавать!»

Над городом висела пыль, смешанная с дымом. Рвались снаряды и бомбы, поднимая тучи земли, мусора, песка, штукатурки. Дома рушились, тряслись мостовые и тротуары, будто во время землетрясения. Днём было темно от гари, дыма и пыли, а ночью то и дело вспыхивали огни, и становилось светло от прожекторов, ракет и разрывов.

В один из таких тяжёлых дней сержанта Павлова вызвал командир полка. Командир сидел, склонившись над планом города. На плане были помечены одним цветом дома, занятые фашистами, и другим цветом — дома, которые оборонялись нашими. А между этими цветными крестиками на карте стоял дом, ничем не помеченный. На него-то и показал остриём карандаша командир полка.

— Разведайте, что происходит в этом четырёхэтажном доме на Пензенской улице! — сказал он сержанту Павлову.

Приказ был коротким, ясным и точным. Как всякий приказ. Но, прежде чем отдать этот приказ, командир многое обдумал и взвесил.

Нет большей опасности, чем идти в разведку, не зная, враг ли, друг ли ждёт тебя. А в четырёхэтажном доме, расположенном напротив командного пункта, была полная неизвестность: наши ли там или фашисты? Стрелять нельзя было, но в то же время каждая дверь могла таить за собой смерть, каждая половица могла взорваться, любая стена — обрушиться.

Кто, не боясь смерти, сумеет проверить этот дом, а потом, если удастся, взять на себя оборону этого дома и удержать его во что бы то ни стало?

Перед полковником стоял человек чуть ниже среднего роста, с виду не сильный, самый что ни на есть обычный. Полковник знал: получив приказание, сержант Павлов не будет задавать вопросов, а тут же повторит приказ и скажет: «Есть!»

Так оно и было.

— Есть разведать, что происходит в четырёхэтажном доме! — ответил Павлов, взяв под козырёк.

Полковник поднялся, подошёл с сержантом к ступенькам, ведущим из командного пункта наверх; прощаясь с Павловым, крепко сжал его руки своими большими ладонями:

— Желаю удачи, Яков. Понятно?

— Понятно, товарищ полковник.

Лишних слов сержант Павлов говорить не любил.

Через минуту Павлов полз по разбитому и вывороченному асфальту, точно медленно плыл в густой, тёмной воде. Было сумрачно и как бы туманно.

В пяти шагах от Павлова ползли трое солдат, которые вместе с ним отправились в разведку. Но они не видели своего командира — так плотно вечерние сумерки и дымный туман прикрывали разведчиков.

Их маскировочные халаты сливались с развороченной мостовой, закопченными тротуарами и дымно-серым воздухом.

Так, скрытые темнотой, приползли разведчики к четырёхэтажному дому. Прислушались. Где-то за несколько кварталов отсюда хлопали выстрелы, а здесь была тишина.

Солдаты подползли к Павлову, и все вчетвером бесшумно спустились в подвал первого подъезда. Пролети здесь муха — можно было бы услышать шум её крыльев. Разведчики и двигались и дышали совершенно беззвучно.

Но — чу! — в доме кто-то есть. За дверью подвальной квартиры Павлов услышал звук. Что это? Не то ветер в оконной раме свистит, не то стонет или сопит во сне человек...

Сержант поднял руку, и солдаты застыли, будто превратились в статуи.

Слегка пригнувшись, Павлов приложил ухо к двери. И тут он ясно услышал, что это не ветер, а человек, который чуть слышно мурлыкал себе под нос:

Баю-бай,
Баю-бай!
Испеку я каравай.
Баю-бай,
Баю-бай,
Баю-бай!..

Где-то недалеко ухнуло, зашуршала осыпающаяся штукатурка, и снова стало слышно, как напевает женщина, укачивая ребёнка.

Колыбельная песенка? Здесь, в этом доме? Не почувдилось ли?

Сержант взглянул в щёлочку и увидел женщину. Раскачиваясь из стороны в сторону, она напевала: «Баю-бай...»

«Похоже, что наша», — подумал Павлов.

Когда разведчики вошли в комнату, женщина вскрикнула, нагнулась над ребёнком, прикрыв его

собой, но тут же подняла голову. На глазах у неё были слёзы:

— Наши! Родные мои!

— Тсс... — Павлов приложил палец к губам. — Где они?

— Тут. Рядом. Во втором подъезде...

Ребёнок во сне застонал, и мать пригнулась к нему, укачивая и снова напевая.

— Баю-бай! Баю-бай... Спи, доченька. Спи, Светочка... — Потом женщина посмотрела на Павлова и на солдат и сказала шёпотом, протянув руку к стенке: — Фашисты там, в такой же вот нижней квартире. Боюсь выйти... Убьют...

— Сидите пока здесь! — сказал Павлов женщине. Он поднял руку с автоматом и обернулся к своим товарищам: — За мной!

В это время девочка проснулась и огляделась с испугом. Павлов увидел большие светлые глаза. Уже на лестнице он услышал, как она плакала.

Женщине с ребёнком сержант в тот момент ничего не сказал, но, может быть, подумал, что раз она боится, то никуда из этого подвала не уйдёт. «Вот разделяемся с фашистами, вернёмся в подвал и поможем женщине».

2

Павлов и его товарищи выползли из первого подъезда. Вокруг было тихо и темно. Но где-то совсем близко притаился враг.

Павлов не знал, сколько фашистов встретит его во втором подъезде. Но приказ командира он уже выполнил — выяснил, что один из подвалов этого дома занят врагом. Казалось, что теперь можно было бы отправиться назад и доложить полковнику о выполнении задания. И командир, склонившись над картой, поставил бы цветной крестик на квадрате, который изображал четырёхэтажный дом: «Дом занят врагом».

«Занят? Это мы ещё посмотрим!»

Павлов со своими товарищами переполз из первого подъезда во второй, вышиб дверь, за которой слышны были голоса гитлеровцев, и прямо с порога забросал комнату ручными гранатами. Блеснул ярко-белый свет. Казалось, что рушатся стены, воздух как бы уплотнился штукатуркой, щебнем, дымом и приторным запахом взрывчатки.

В комнатах загрохотало, загремело, зазвенело...

Прикрывая глаза от пыли, шурясь и чихая, Павлов и его товарищи ворвались в квартиру, держа автоматы перед собой. Три гитлеровца были убиты наповал, а остальные — сколько их было — выскочили в окна, не приняв боя.

Теперь надо было прочесать весь дом — осторожным шагом, на цыпочках, с автоматом наготове, с указательным пальцем на курке, со шупом впереди. Этим шупом проверяют, не ждёт ли тебя, притаившись, мина, оставленная врагом.

Шаг за шагом, квартира за квартирой, этаж за этажом прочёсывали Павлов и его товарищи дом до самой крыши. Гитлеровцев больше нигде не оказалось. Можно было возвращаться в подвал первого подъезда, где осталась женщина с девочкой. Павлов так и сделал.

Ни маленькой Светланы, ни её мамы там не было.

«Зря ушла, — подумал Павлов. — Убьют ведь. И ребёнок погибнет. Как помочь им теперь?»

Не знал Павлов, как ждала его возвращения сюда, в подвал, эта женщина, которая пыталась спасти своего ребёнка, унести его из горящего города. Она слышала взрывы гранат, которыми Павлов забросал квартиру в соседнем подъезде. А потом стало тихо — совсем тихо. Сержант и его солдаты не возвращались в подвал. Они в это время прочёсывали большой четырёхэтажный дом, однако делали они это совсем бесшумно. И, кто знает, могла ведь подумать женщина: придут ли они? Что произошло во втором подъез-

де? Удалось ли нашим расправиться с фашистами? Вот отворится дверь, и войдут. А кто войдёт? Кто победил в поединке в соседнем подъезде?

Такие мысли, должно быть, заставили женщину выползти из подвала, не дождавшись возвращения Павлова. Она ползла по развороченному асфальту к Волге, а в это время фашисты уже били по дому на Пензенской из миномётов.

В подвале, где засел наш сержант с солдатами, слышно было, как рушатся потолки и стены верхних этажей в тех квартирах, где только что осторожно шагали Павлов и его товарищи.

Артиллерийский огонь по дому усиливался с каждой минутой. Дом, из которого его вышибли, враг хотел забрать обратно или начисто стереть с земли.

В ту ночь началась оборона этого четырёхэтажного дома на Пензенской улице.

Сержант не вернулся на командный пункт. Одного из солдат он отправил к своему командиру — сообщить, что фашистов в доме нет, что он, Павлов, принял на себя оборону и просит прислать ему подкрепление.

Солдаты, присланные в подкрепление Павлову, притащили миномёт, пулемёты, патроны, гранаты, продукты и полевую радиостанцию.

В узкие щели, оставленные в окнах, сквозь которые Павлов следил за местностью, видно было, как ползут к дому гитлеровцы, подтягивают за собой пулемёты и миномёты.

Сотни раз атаковали фашисты дом, который во всех донесениях, в сводках и в корреспонденциях теперь так и назывался: «Дом Павлова». В сплошном дыму, в пыли и в огне дом этот не был виден, но из подвального этажа всё время шли позывные:

«Я — маяк! Я — маяк! Я — маяк!»

Маяк — это было условное название рации дома, который оборонял Павлов. Сержант сообщал по ра-

дио нашему командованию, что он крепко держит оборону и фашистов близко не подпускает.

Но фашисты были совсем рядом. Однако ближе двадцати шагов Павлов гитлеровцев не подпускал. Фашисты уже били по дому не из орудий, даже миномёты им были ни к чему — они забрасывали дом ручными гранатами и кричали в голос, без рупора:

— Рус, сдавайся!

Многие солдаты были ранены, но дом не сдавали. Ранен был и сам сержант Павлов. Однако фашистам от этого легче не стало. Дорого обходился им каждый шаг по нашей земле! Они прошли миллионы шагов. А вот теперь и десять шагов сделать не смогли. Выдохлись.

3

Напротив дома, который защищал Павлов, ближе к реке, был командный пункт полковника Кубанова, тоже расположенный в подвале разрушенного дома.

Командный пункт полковника Кубанова был на самой передовой линии Сталинградского фронта. Только небольшая площадь отделяла его от фашистов. До войны здесь был сквер, росли маленькие, привезённые с севера голубые ёлочки. В летнее время в самом центре сквера была площадка для малышей, зимой — снежная гора, с которой ребята скатывались на санках.

Теперь всю площадь изрыли снаряды и бомбы. Каким-то чудом уцелела одна маленькая ёлочка. Солдаты полковника Кубанова знали не только, сколько веток на этом дереве, но, пожалуй, каждую иголку на ветке — так внимательно следили они за площадью.

Каждый квадратный сантиметр земли на этой площади был на прицеле.

Достаточно было заметить, что кто-то появился на площади — скажем, в квадрате семь, — как отдавалась команда:

— Квадрат семь — огонь!

И сразу же пули ложились точно в том месте, где был обнаружен враг. Ничто живое — ни воробей, ни мышь — не могло появиться здесь незамеченным.

И вдруг вечером наблюдающий из нашего командного пункта увидел на площади тёмное пятно. Что это? Пятно движется, ползёт, приближается — медленно, но неуклонно. Неужели через площадь ползёт человек? Это казалось невероятным. Ведь площадь минирована, и в любой момент человек может взлететь на воздух. К тому же она простреливалась с двух сторон, и в любой момент может быть открыт огонь — прицельный, точный, прямой наводкой, в упор.

Наблюдающий чуть прищурился, приблизив глаза к стёклам бинокля. Сомнений не было: по площади полз человек, да ещё тащил что-то, прикрывая своим телом.

— Человек на площади! — пронеслось по всему командному пункту.

Солдаты приготовили миномёты, пригнулись к пулемётам, взяли в руки гранаты.

Вот-вот, с секунды на секунду, должна была прозвучать команда: «Огонь!»

«Кто ползёт? — подумал полковник Кубанов — немолодой уже человек с белыми висками и усталым лицом. — Кто это на площади: враг или друг? Не пойдёт же враг на верную смерть! Как же быть? Надо решать. Немедленно! Война...»

Все эти мысли промелькнули у него в голове в одну секунду, а в следующую секунду полковник поднял руку, чтобы, рубанув ею воздух, отдать команду...

А через площадь всё ползла и ползла женщина, толкая перед собой по земле ребёнка и прикрывая его своим телом.

Так может сделать только мать.

Вокруг было темно и тихо. Но эта темнота и эта тишина были неверными, ненадёжными. Скрытые глаза следили за женщиной и, может быть, откуда-то

В это время высоко в небе взвилась яркая белая ракета.

неслышно, тихо уже целились в неё, ждали только, чтобы она подползла поближе. И тогда...

Мать подталкивала ребёнка, стараясь всё время прикрывать его собой. Она лежала, чуть приподнявшись на коленях и опираясь на локти, чтобы не придавить девочку: если начнут стрелять, попадут в неё, и она собой, как бронёй, защитит дочку от пуль.

Может быть, при этом она все же думала так: «Наши по мне стрелять не будут. А если меня обнаружат фашисты, то увидят же они, что ползёт женщина с ребёнком! И, может быть, они пожалеют ребёнка...»

Женщина ползла очень медленно, всё время оглядываясь и прикрывая собой маленькую девочку. Если высывалась маленькая рука или нога девочки, мать прикрывала её своим телом от смерти, как, бывало, раньше прикрывала одеялом от холода.

И в это время со стороны фашистов высоко в небе взвилась яркая белая ракета. Она повисла в воздухе, будто фонарь. Да эту ракету так и называют — фонарь. Выброшенная вверх, ракета раскрывает маленький парашютик и, медленно опускаясь на нём, освещает землю белым, мертвенным светом целую минуту, а то и больше.

На этот раз ракета фашистов ярко осветила человека на площади, и стало видно, что это женщина, которая ничком лежит на земле, закрыв собой ребёнка. А вокруг, освещённые, как театральные декорации, высились огромные изломы обрушившихся домов, крыши, вздыбленные к чёрному небу, опрокинутые танки — и совсем неестественная среди всего этого — маленькая ёлочка.

Полковник Кубанов на мгновение зажмурился. Чёрная тень лежала перед женщиной, которую ярко осветила ракета фашистов. Мгновенно, как освещённое молнией, Кубанов увидел её лицо — мокрое, испуганное, с волосами, выбившимися из-под платка. И ещё увидел Кубанов светлую чёлку над большими светлыми глазами девочки.

— Внимание! Не стрелять! Женщина! Ребёнок! — пронеслось по всему нашему командному пункту.

Солдаты части полковника Кубанова сжимали приклады автоматов и рукоятки пулемётов.

Как помочь женщине? Как спасти девочку?

Она лежала в нескольких шагах, ярко освещённая. Вот-вот её расстреляют, изрешётят пулями... А спасти её, помочь ей нельзя.

На командном пункте стало так тихо, что полковник Кубанов услышал, как под кителём стучит его сердце.

Женщину на земле было далеко видно: в подвалах разрушенных домов, в траншеях, в воронках, превращённых в огневые точки, — отовсюду следили за ней. Но следили по-разному. Наши — со страхом за её жизнь. А фашисты...

Фашистская ракета-фонарь продолжала обливать женщину резким, режущим глаза светом. И ничем нельзя погасить этот свет, ничем нельзя укрыть женщину, никак нельзя спрятать её от врагов...

Спрятанной от света и огня была только девочка. Мать обняла её со всех сторон, укрыла, как бы укутала собой.

На руке полковника тикали часы, отсчитывая секунды, и ему казалось, что тикают они слишком медленно.

Тишина прорвалась сразу. Затарахтели, точно залаяли пулемёты и автоматы гитлеровцев. Захлопали миномёты. Чёрное небо прострочили яркие трассирующие пули. Потом светящееся многоточие опустилось к земле. Фашисты стреляли по женщине и по ребёнку...

Погас фонарь, почернела площадь. Можно было подумать, что сразу сбросили чёрный, непроницаемый для глаз занавес.

Солдаты и офицеры Кубанова стояли тесно вокруг своего полковника. И никто не решился первым произнести хоть слово. Только спустя некоторое время,

когда глаза, ослеплённые светом ракеты, стали чуть привыкать к темноте, наш наблюдающий сказал:

— Женщина — там!

И тут же по всему командному пункту пронеслось:

— Она — там!

Люди повторяли друг другу эти слова, не видя ничего перед собой. Только зоркий глаз наблюдающего различил силуэт лежащей женщины. Но и он видел очень плохо. Ведь яркая ракета ослепила всех своим белым светом, и теперь перед глазами была только чернота ночи. Этим-то и решил воспользоваться полковник Кубанов. Ещё семь — восемь минут будет действовать это ослепление ракетой. Надо использовать это небольшое время, когда враги, может быть, не увидят, что делается на площади. Надо действовать решительно и, главное, как можно скорее.

Полковник Кубанов обратился к солдатам:

— Кто выползет на площадь и попытается спасти женщину и ребёнка?

Говоря так, полковник думал: «Кто не побоится смерти?»

Вперёд вышло несколько солдат.

Всё это происходило куда более быстро, чем удаётся об этом рассказать.

— Много, — сказал полковник. — Нужны двое...

Этих двух Кубанов отобрал сам: солдата Ивана Птаху и санинструктора Елену Крылову.

Птаху на командном пункте называли «Эгеж». Это было его любимое словечко, что означало: да, конечно, хорошо. Что бы ни происходило вокруг, Птаху всегда был спокоен и всегда занимался каким-нибудь делом. В свободные минуты, даже в часы самых сильных обстрелов он пришивал пуговицы, чистил одежду или сапоги так, будто собирался в гости. Был он человеком тихим, незаметным. И в разведке тоже оставался незамеченным. «Птаху, ты был там?» — спрашивали его товарищи, подразумевая трудный ночной поиск. «Эгеж», — отвечал Птаху, штопая ма-

ленькие дырочки на плащ-палатке. «Осколки?» — показывали друзья Птахи на дырочки. «Эгеж, зацепили». — «А фашиста видел?» — «Эгеж». — «Близко?» — «Та я его привёл. Допрашуют».

Ходила в разведку и Елена Крылова. Внешне она была чуть хмурая — лицо в глубоких морщинах, как в складках. Волосы коротко подстрижены — их и не видно под шапкой-ушанкой. Волосы наполовину седые, как у пожилой женщины. Но глаза молодые, ясные, светлые. И была-то Елена не старой — только года за два до войны окончила школу, замуж вышла, а уже вдова и ребёнок у неё погиб. В полку знали об этом, только никогда Крылову о семье не спрашивали. Сама Елена не из разговорчивых. Она предпочитала слушать других не потому, что была угрюмой, просто она считала, что ничего особенного в жизни не сделала и нечего навязывать себя и свои мысли другим людям. Смелости Елены Крыловой мог позавидовать любой мужчина. Пулям она не кланялась. Если кого-нибудь зацепит пулей или осколком, Елена подползёт и быстро, аккуратно, не поднимая головы, не обнаруживая себя, перевяжет, забинтует, да ещё научит, как дальше вести себя, чтобы не потерять много крови, сохранить силы, добраться к своим.

Елена Крылова и Иван Птаха не раз выносили с поля боя наших раненых бойцов, делились с ними последним куском из своего неприкосновенного запаса.

Свистят пули, рвутся бомбы, приторно пахнет взрывчаткой, а санинструктор перевязывает раненого бойца, поит его из своей фляжки, выносит на руках...

4

Накинув на голову капюшоны маскировочных халатов, выползли на площадь Иван Птаха и Елена Крылова и тут же будто растворились в темноте.

Полковник поглаживал чуть выпуклое стекло на часах. Он заметил время: семь часов семь минут.

Чтобы доползти до женщины, надо потратить минут пять — шесть. Там две — три минуты и снова пять — шесть минут на обратный путь. Всего четверть часа — не больше. Но через семь — восемь минут глаза привыкнут к темноте, враг сможет разглядеть, что делается на площади, и тогда Иван Птаха и Елена Крылова попадут под огонь. А может быть, они доползут быстрее и успеют помочь женщине, пока у всех ещё перед глазами темнота...

Медленно тянулось время — так медленно и лениво, что, казалось, не двигаются, совсем остановились стрелки, даже секундная. Только тикание напоминало о том, что время не стоит на месте.

А глаза всё ещё не привыкли к темноте. Как ни напрягал зрение полковник, он ничего не мог разглядеть на площади. Посмотрел на часы: прошло восемь минут. Солдаты и офицеры молчали, словно боялись вспугнуть тишину.

Прошло ещё две минуты.

Полковник засунул руки в рукава, как в муфту. Руки были холодными.

Полковник Кубанов подумал: «Ведь не было приказа выползть на площадь. Они вызвались сами. А у Ивана Птахи двое детей. Вчера ещё рассказывал о них...»

Теперь Кубанов накрыл ладонью правой руки часы на запястье левой, словно хотел зажать время, остановить его. Но кто-то рядом сказал чуть слышно: — Двенадцать.

И полковник понял: двенадцать минут прошло с тех пор, как Иван Птаха и Елена Крылова выползли на площадь.

Неужели враги, подкравшись в темноте, бесшумно убили или оглушили их? Ведь и такое бывало с разведчиками на войне.

Прошла ещё минута, две, три... Можно ведь... можно было обернуться за это время! Даже ползком, даже не торопясь разведчики должны были справиться-

ся уже со своим заданием. Но их всё не было и не было...

И вдруг ярко осветилось облако над командным пунктом. Луч прожектора прочертил по небу полукруг и светлым блином лёг на землю, вырвав из темноты большие чёрные плиты. Это были вывороченные взрывом куски асфальта. Вслед за этим взвилась в небо ракета-фонарь, и сразу же затарахтели пулемёты и автоматы фашистов.

На площади во все стороны летели брызги от камней и поднимались столбики дыма. Это пули взламывали тротуар и мостовую, буравили и без того изрытую площадь.

Поздно хватились гитлеровцы: Иван Птаха и Елена Крылова спускались по ступенькам командного пункта. Они принесли с собой запах пепелища. Маскировочные халаты были в саже и земле. Первым встретил разведчиков полковник Кубанов:

— Ну?

Докладывала Елена Крылова:

— Ваше приказание выполнено. Мы подползли к женщине, но помощи ей не оказали: обнаружили, что женщина убита.

Полковник склонил голову. Так же молча стояли солдаты и офицеры.

— А ребёнок? — спросил Кубанов.

— Вот!

Елена Крылова распахнула маскировочный халат, и в наступившей тишине стало слышно, как плачет ребёнок. Плачет негромко, видимо совсем обессиленный.

Полковник протянул руку к девочке, но она сложилась, как перочинный ножик, и прижалась к Елене Крыловой. Кубанов чуть погладил светлую чёлку:

— Как тебя зовут, детка?

Девочка молчала. Она сжималась всё сильнее и сильнее. Плакать девочка уже не могла. Она вздрагивала и только чуть слышно стонала.

— Напугана, — сказал полковник.

— Да, — тихо произнесла Крылова. — Она мне сказала, что зовут её Света.

Полковник Кубанов приказал накормить ребёнка, обогреть и оставить на командном пункте до тех пор, пока её можно будет без риска для жизни переправить в более безопасное место.

Что же касается санинструктора Елены Крыловой и солдата Ивана Птахи, то их за спасение ребёнка полковник представил к боевой награде.

Награда — медали «За отвагу» — на следующий день была вручена санинструктору и солдату тут же, на командном пункте. Этот приказ полковника Кубанова был выполнен. А вот, казалось бы, самая простая часть приказа — накормить ребёнка — осталась невыполненной.

Пробовал найти к девочке подход Иван Птах. Он показывал на себя пальцем и говорил:

— Я — Иван. А ты — Света?

Девочка молчала. Но Птах сам отвечал:

— Эгеж, Света. Я — Иван. А фамилия моя — Птах. Фамилия. Понятно? А твоя?

Но Света снова молчала.

Когда Светлане дали кашу, она отвернулась. Протянули сахар — заплакала. Она почти всё время плакала. Даже когда засыпала, всхлипывала во сне и звала маму.

Бледная, измождённая девочка ещё больше осунулась. Лицо у Светланы стало похожим на воздушный шарик, из которого выпустили часть воздуха; лицо её сморщилось, стало совсем маленьким.

Елена Крылова как могла старалась обласкать девочку, успокоить её. Во время обеда она взяла Свету на руки, ела при ней, надеясь, что девочка тоже захочет есть. Но Света будто и не видела, что происходит вокруг. Елена обняла её, прижала к себе, разгладила у девочки сбитую на лбу чёлку.

Хотя и огрубели на войне руки Елены, — руки эти

ласковые, добрые. Они умели облегчить боль, перевязать так, что и не почувствуешь; а если надо, эти руки могли поднять бойца, потерявшего силы, могли справиться с врагом.

Голова девочки падала на грудь Елены. Казалось, Света всё время дремлет. Но она продолжала всхлипывать и не разжимала губ, когда ей подносили еду.

— Ну как Светлана, поправляется? — спросил как-то полковник Кубанов у Елены Крыловой.

— Плохо, товарищ полковник. Девочка слабеет. Есть отказывается...

Птаху полковник о Светлане не спрашивал. Видно было, что и без того тихий солдат совсем как-то ушёл в себя и, что бы он ни делал — пришивал ли пуговицу, чистил ли винтовку, — всё поглядывал в ту сторону, где на лучшем одеяле, которое было на командном пункте, лежала Света.

Как-то, когда Светлана лежала одна и казалось, что никто не следит за ней, Птаху увидел, как она протянула руку к хлебу и, откусив маленький кусочек, начала его жевать. Девочка съела весь хлеб и заснула. А Птаху позвал Крылову, и на то место, где лежал хлеб, они поставили миску с кашей на сгущённом молоке.

С этого дня Светлана начала есть. И щёки у неё стали чуть разглаживаться, будто в воздушный шарик снова вдохнули воздух.

Один раз Птаху запрягал свой сапог под койку и сказал:

— Светлана, где мой сапог? Не видно тебе?

— Там... — Света протянула руку к койке.

— Где? — Птаху растерянно оглядывался по сторонам.

— Да там! Там! — Девочка поднялась, чуть покачиваясь, пошла к койке и, нагнувшись, вытащила сапог.

Теперь Светлана стала подниматься со своей койки и ходить по землянке: шесть шажков вдоль и

шесть шажков поперёк. С каждым днём шаги девочки становились все увереннее и твёрже. Но она по-прежнему почти не разговаривала, а ночами, случалось, плакала во сне и снова и снова звала свою маму.

5

Приближался Новый год. Тяжело и голодно было в том году в нашей стране. Но матери и тогда старались как-то отметить праздничные дни каникул у ребят: достать им хотя бы одну конфету или лишний кусок хлеба, что было по тем временам большим подарком. А в тех местах в тылу, где жизнь была чуть полегче, даже и в этот трудный год устраивали ребятам ёлку, и в гости к ним приходили дед Мороз и Снегурочка.

И вот однажды Иван Птаха попросил у своего командира разрешить ему устроить для девочки ёлку. Это было в дни, когда стрельба утихла и в Сталинграде наступило некоторое затишье.

— Ёлку? — удивился полковник.

— Эгеж, ёлку.

Ёлка — на фронте, на переднем крае, в землянке, вырытой под разрушенным домом!

Нет, Иван Птаха не фантазировал. Ночью Иван шёл в разведку — вот он и просил разрешения, когда выполнит задание, на обратном пути незаметно спилить и принести на командный пункт одинокую ёлочку, что сохранилась на площади.

— Трудное дело, — сказал полковник Кубанов. Потом, чуть подумав, добавил: — Попробовать можно...

Ночью по белому снегу в белых маскировочных халатах ползли из разведки солдаты части полковника Кубанова. Чуть вправо возьмёшь — смерть от мины, чуть влево отклонишься — взлетишь на воздух. Узкая дорога жизни меж двух смертей.

Ивана Птаху в части полковника Кубанова называли невидимкой. Никто не мог так проползти незаметным, как этот солдат — злой для врагов, добрый для своих, смелый в бою, ловкий в разведке. В самом трудном месте, где всё заминировано и пристреляно, Птаха проходил жив-здоров и все нужные сведения приносил командованию.

«На то он и Птаха! — говорили солдаты. — Где человеку не пройти, птаха всегда пролетит».

В этот раз Иван Птаха принёс не только все нужные сведения о враге, но и маленькую ёлочку. Деревце это было ближе к нашему командному пункту, чем к траншеям врага. И наш наблюдающий знал, что Птаха на обратном пути собирает его спилить. Однако, как ни щурил глаза наблюдающий, как ни прислушивался, ничего в ту ночь не увидел и не услышал.

«Наверно, — подумал наблюдающий, — Птаха оставил ту ёлочку в покое».

А Птаха тут, он уже на командном пункте, и из-под белого халата у него зелёные ветви торчат.

Спиллил-таки ёлочку разведчик! И так бесшумно и невидимо, что ни наши, ни фашисты подавно, ничего ночью не заметили. Вот, должно быть, удивились наутро фашисты, увидев, что ёлочка за ночь убежала с площади, у них из-под носа.

На командном пункте принялись украшать эту ёлочку для маленькой Светы. Игрушек, конечно же, там не было. Вместо них пошли в ход пустые патронные гильзы, ракетницы, хлопья из ваты и спичечные коробки. И ёлка, надо сказать, получилась на славу.

Иван Птаха нарядился дедом Морозом. Он приклеил себе бороду из ваты и надел маскировочный халат. Елена Крылова изображала Снегурочку... Нет, они мало походили на тех разряженных дедов Морозов и тех Снегурочек, что обычно приходят на ёлки к нашим ребятам. Но для Светы и это было большой радостью. Ведь до того времени Светлана, должно быть, никогда в жизни не видела праздничную ёлку. Она смеялась и хлопала в ладоши, увидев белую бороду Ивана Птахи.

На этой ёлке всё было не так, как всегда. Обычно на ёлке бывает так: в зале много ребят, а на сцене играют, поют, пляшут, развлекаая ребят, один или несколько актёров. А тут, во фронтовой землянке, было наоборот: представление шло для одной только девочки — Светланы. А развлекали её многие. Кто умел плясать — плясал, кто умел петь — пел, кто умел фокусы показывать — был в тот вечер фокусником.

Во время праздника ёлки где-то недалеко от командного пункта захлопало и загудело. Несколько солдат, пригнувшись, побежали по длинным подземным коридорам. От ёлки до передовой было не больше одного квартала. Светлана ничего не заметила. Когда же спустя полчаса эти солдаты вернулись, они увидели, что щёки Светы чуть порозовели, а глаза казались ещё больше — так смотрела она на разукрашенную ёлку. Когда началась война, ей был год-

полтора, не больше. И теперь всё это — новое, нарядное, весёлое — особенно радовало её.

А ночью во сне Светлана снова звала маму и плакала.

6

Однажды Елена Крылова спросила девочку:

— Света, скажи, а как звали твою маму? Вспомни!

Света чуть наморщила лоб, веки её набухли, изпод них выкатились две большие капли.

— Её звали мама, — сказала Света. — Мамочка...

Нет, нельзя было больше расспрашивать Светлану. Надо было как-то по-другому разыскать её родных, узнать фамилию, а может быть, найти её отца.

Надо! Но как?

Этот вопрос беспокоил не только Елену Крылову, но и полковника Кубанова и многих солдат и офицеров его части.

Полковник Кубанов чувствовал уже огромную нежность к этой девочке и всё чаще думал о том, как кончится война и в дни школьных каникул он пойдёт со Светланой в большой магазин игрушек, где ёлка высится до самого потолка. Там он скажет ей: «Выбирай. Выбирай что хочешь». Он купит ей большую коробку ёлочных игрушек. И тогда всё будет не похоже на эти закопчённые стены, на эти нары и дымящую печь из железной бочки. Он будет угощать Светлану конфетами, и они вместе будут вспоминать землянку и то, как устраивали здесь ёлку, как патронные гильзы заменяли ёлочные украшения.

Думая так, Кубанов силился представить себе, будет ли при этом, в той мирной обстановке, отец Светланы. И ему очень хотелось, чтобы отец этот был, чтобы он нашёлся.

Однажды ночью, когда Света спала, а у неё в ногах сидел Иван Птаха, пришивая пуговицы к гимнастёрке, и тут же вокруг лампы, сделанной из пустого

снарядного стакана, сидели разведчики, один из них сказал:

— А ведь ползла женщина оттуда, где этот четырёхэтажный дом за площадью.

Сказал это разведчик неожиданно — должно быть, просто подумал вслух, но все поняли, что речь идёт о Светиной маме.

— Да, — сказал Птаха, — связаться бы с тем домом... Там тоже наши. Может, что скажут о женщине с ребёнком.

Однако связаться с домом, который оборонял Павлов, не удалось. Дом этот со всех сторон был окружён фашистами. Пробраться туда, узнать что-либо о Светлане и её маме было невозможно. В районе этого дома, на Пензенской улице, бои не прекращались ни на один день.

По нескольку раз в сутки фашисты шли атакой на этот четырёхэтажный дом. Вот он, казалось, совсем близко — всего несколько шагов, но эти-то несколько шагов враги пройти и не смогли.

И в нашей стране, и во всём мире люди следили за тем, что происходило в этом сталинградском доме на Пензенской улице. Ведь могло показаться чудом, что павловцы ещё держатся. Горсточка храбрецов против армии гитлеровцев, которые прошли десяток стран, а этих двадцати шагов пройти не смогли.

7

Воздушная волна от разорвавшегося снаряда ударила сквозь пролом стены. Павлов почувствовал, как придавило ему грудь и при этом отбросило его, ударило о стенку. Рядом упал пулемётчик. Солдат с автоматом, облокотившийся о подоконник, медленно сполз на пол, уронив автомат. Дым пополам с противным запахом взрывчатки наполнил подвал. Павлов чувствовал, что надо глубоко вдохнуть воздух, иначе можно потерять сознание — уж слишком сильно ударило его волной. Он раскрыл рот и тут же закашлял.

ся. Воздух подвала был густым, пыльным и вонючим. Вдыхать его было трудно.

«Что это? — подумал Павлов. — Стена была серой, а стала как будто красной?»

Мысли путались в голове, мешались. Медленно доходило до сознания, что в подвал попали осколки снаряда. Это они сбили серую штукатурку стены и обнажили красные кирпичи. И пол весь в мягком песке и пыли.

Вот бы сползти на пол, положить руку под голову и уснуть... Хорошо! Всё тело просило об этом.

Павлов сжал кулаки, оттолкнулся ими от пола, встал, подошёл к пулемёту, прислонился к рамке прицела. Сначала в глазах прыгали и кувыркались вертялые золотистые мушки. «Это от удара, — подумал Павлов. — Сейчас пройдёт». Он на секунду закрыл глаза, а когда снова прильнул к прицелу, увидел фашистов. Они шли с автоматами на животах, шли медленно, уверенные в том, что на этот раз возьмут дом, стоящий, как утёс среди моря, — дом, на который смотрит весь мир. Впереди шёл фашистский автоматчик с закатанными до локтей рукавами.

Павлов целился не торопясь. Он нажал спуск и стрелял, стрелял до тех пор, пока и эта атака не была отбита.

Отчаявшись взять дом на Пензенской атакой с земли, гитлеровцы попытались разбомбить его с воздуха. Днём сделать это мешали наши зенитчики. Тогда фашисты решили разбомбить этот дом под покровом ночи. Чтобы указать цель своим самолётам, гитлеровцы, засевшие против дома на Пензенской, стали пускать в сторону этого дома зелёные ракеты.

Павлов не спал. Услышав гул тяжёлых бомбардировщиков врага, он насторожился. Ближе, ещё ближе... Сейчас они будут над самым домом. Что ж, достаточно одной бомбы, чтобы «прошить» — проткнуть, как иглой, все четыре разрушенных этажа и уничтожить всех, кто в подвале.

Завидев первую зелёную ракету, Павлов немедленно выхватил ракетницу, похожую на большой пистолет, и выстрелил такой же зелёной ракетой в сторону домов, где засели фашисты... Ещё и ещё одну ракету выпустил он вслед за первой.

Самолёты врага рокотали над головой. А вот и визг падающей, разрезающей воздух бомбы. Невольно голова Павлова вдавилась в плечи. Секунда... нет, доля секунды... Грохот. Снова удар воздушной волны, точно кто-то невидимый подхватил и отшвырнул Павлова изо всех сил.

Опять — взрыв! Снова — взрыв! Сыпалась кирпичная пыль, на полу повернулся во сне солдат, но охнуло уже где-то подальше, ещё и ещё дальше...

Помогли-таки зелёные ракеты Павлова! Не ошибся и вражеский лётчик. Он бомбил точно по цели, которую Павлов указал ему. В ту ночь фашисты бомбили своих. А на рассвете наше командование, как обычно, услышало позывные павловской рации:

«Я — маяк! Я — маяк! Я — маяк!»

Нет, не уничтожили фашисты Павлова и его солдат! Они оставались в живых и продолжали оборону четырёхэтажного дома на Пензенской.

Зато фашисты в ту ночь недосчитались многих своих солдат и офицеров.

Пятьдесят восемь дней и ночей сержант Яков Федотович Павлов и небольшая горсточка солдат удерживали в своих руках дом, хотя фашисты были от него всего в нескольких шагах. А незабываемым зимним утром, когда замолчали наши пушки и стало вдруг как-то особенно тихо, фашисты услышали возглас, который приводил их в трепет и смятение:

— За Родину! Вперёд!

Наша армия, замкнувшая кольцо вокруг Сталинграда, перешла в решительное наступление. Вместе с нашими войсками вышли на бой солдаты полковника Кубанова и гарнизон дома на Пензенской улице — дома Павлова.

В Сталинграде шёл бой — последний, решительный. В этом бою погиб смертью храбрых полковник Кубанов и тяжело был ранен сержант Яков Павлов. Не довелось Кубанову пойти со Светланой в игрушечный магазин, купить ей ёлочные украшения...

Фашисты сопротивлялись недолго. Кольцо наших войск сжималось всё туже и туже. Бежать? И бежать фашистам было некуда. Тогда они стали бросать к своим ногам автоматы и пистолеты, сдавать нашим пушки и миномёты, поднимая вверх руки:

— Сдаёмся! Гитлер капут!

Вышла из полутёмной землянки и Света. Поднявшись на последнюю ступеньку, которая вела из командного пункта, она зажмурилась и ладонью закрыла глаза. Яркое солнце ослепило Свету, проведшую почти два месяца в полутёмном подвале.

Свыкшись со светом, девочка приоткрыла глаза, защитив их сверху рукой, как козырьком. По площади, там, где ползла Светина мама, теперь вели

унылую колонну пленных фашистов. Лица их были землисто-серыми, одежда висела лохмотьями.

Когда по этой площади ползла Светина мама, прикрывая её своим телом, здесь было сумрачно и туманно; теперь же — светло, солнечно, а воздух был прозрачным и чистым.

Солнце, казалось, вместе с нами радовалось победе. Оно ярко светило, снег искрился. Блестели и отливали всеми цветами радуги оплывшие, прозрачные, как леденцы, сосульки. Небо над городом сверкало голубизной.

Ещё кое-где хлопали одиночные выстрелы. Но вскоре всё смолкло: визг пикирующих самолётов, сухой треск автоматов, глухие удары пушек. Сразу же стало слышно, как чирикают воробьи, как шуршат гусеницами огромные тягачи, увозящие пушки. Где-то вдалеке заиграли на аккордеоне, и к землянке, возле которой стояла Света, донеслась песня.

Спустя несколько дней, когда совсем утих бой, солдат Иван Птаха пошёл к четырёхэтажному дому на Пензенской улице, со стороны которого ползла мать Светы. Он думал, что, может быть, здесь кто-нибудь знает об этой девочке и её маме.

Солдат, которые встречались с той стороны Ивану Птахе, он останавливал одним и тем же вопросом:

— Ты не с того четырёхэтажного?

— Нет.

— А кого-нибудь из тех, кто там был, не знаешь?

Нет, нелегко было найти павловца. Почти все герои — защитники этого дома — были ранены. Не удалось Птахе встретиться и с сержантом Павловым: тяжелораненого сержанта сразу же после освобождения Сталинграда отправили в тыл.

8

С каждым днём в Сталинграде становилось всё меньше и меньше пушек и танков. Раненых увезли из города. Теперь Елена Крылова часто бывала свобод-

на. Как-то, гуляя, она спускалась по крутому склону, держа за руку маленькую Светлану. Далеко-далеко — до самой Волги — раскинулся город из пустых кирпичных коробок. Вырванные с корнем многолетние деревья обгорелые лежали на земле.

— Я посижу, — сказала Светлана. Она села на чёрное дерево, копнула ботинком рыжую землю, подняла глаза на Крылову: — Тётя Лена, а я думала, что земля чёрная.

— Пойдём, Светочка, — сказала Крылова.

Теперь всё свободное время она отдавала девочке. Каждая прогулка была для Светланы большой радостью. Ведь мир, который ещё так недавно был ограничен для неё всего несколькими шагами землянки командного пункта, стал вдруг огромным, новым, необычным и очень интересным. С каждым днём на улицах Сталинграда появлялось всё больше и больше женщин и детей. Разрушенные дома стали покрываться строительными лесами. Во всех районах города вытянули шеи огромные башенные краны. Население освобождённого города росло буквально с каждым часом. Город менялся очень быстро.

Но многое ещё напоминало о войне, и Елена Крылова старалась сделать так, чтобы эти напоминания не причиняли боль Светлане, чтобы девочка не догадывалась, что есть в Сталинграде большие площади земли, порыжевшей от крови.

Однажды Елена Крылова взяла с собой Светлану покататься на автомобиле. Этого в жизни Светы никогда ещё не было. Она мчалась в открытом грузовике: улицы, стремительно расширяясь, набегали на неё, ветер бил в лицо, теребил волосы, омывал холодом и в то же время горячил щёки.

Светлана крепко держалась за тётю Лену, а та что-то говорила и показывала человеку в кожаном пальто.

Потом Елена Крылова объясняла Светлане:

— Это будет кино про Сталинград.

Но Светлана не знала, что такое кино. Она его никогда не видела. И объяснить ей было очень трудно. Как это снимут на плёнку все эти разрушенные дома и возле них актёры, одетые как солдаты, будут как бы воевать: бегать, стрелять, падать... А потом Светлана пойдёт в тёмную комнату и увидит на освещённом полотне всё, что происходило здесь во время войны.

Когда Крылова рассказала обо всём этом Светлане, та насупилась:

— Не хочу про войну! Не хочу, чтобы стреляли и падали!

Она вспомнила что-то и, отвернувшись, украдкой, чтобы не видела тётя Лена, смахнула слезу.

— Ну и не надо про войну, Светочка, — сказала Крылова. — Пойдём отсюда. Не ушибись только.

Они шли мимо огромного экскаватора, который, раскрывая свою зубастую пасть, подбирал раскопанные камни и с грохотом высыпал в железное корыто самосвала. Казалось, экскаватор работает не в городе, а в каменоломне. Ведь Сталинград фашисты превратили в зону пустыни. Целые районы города можно было видеть насквозь. Здесь не уцелело ни одного дома, ни одного завода, ни одной фабрики. Можно было идти квартал, два, три... десять — и всюду видеть одни только развалины.

Кого же спрашивать о Светлане?

И розыски отца Светланы отложили на более поздние времена, когда появятся первые улицы, можно будет навести справки и, может быть, расспросить жителей дома, называвшегося именем сержанта Павлова. Иван Птаха, Елена Крылова и все солдаты части полковника Кубанова надеялись, что там, в доме Павлова, должны хоть что-нибудь знать о Свете и о её маме.

Однако оказалось, что и самого Павлова разыскать не так-то просто.

О подвиге храброго сержанта и небольшой груп-

пы солдат, которые отстояли сталинградский дом на Пензенской улице, получивший имя Павлова, говорили и писали во всём мире: об этом сообщали в газетах, передавали по радио, слагали стихи, пели песни. Миллионы людей прославляли героев. Только сам сержант Павлов не знал, что совершил подвиг: он считал, что только выполнил приказ командира и свой солдатский долг.

Тяжелораненого сержанта лечили в госпитале. Он потерял так много крови, что не мог читать газеты, в которых писали о нём. В это время Павлова разыскивали, чтобы вручить ему Золотую Звезду Героя. Фронтовые же друзья Светланы разыскивали его, чтобы напасть на след отца или родственников девочки без фамилии. Но Павлов — очень распространённая фамилия. Тысячи Павловых защищали нашу Родину во время Великой Отечественной войны, и найти среди них Якова Федотовича Павлова было очень нелегко.

После разгрома в Сталинграде фашисты не могли опомниться: они бежали прочь с нашей земли. Но по дороге всё ещё огрызались — уходили с боями, сжигая на пути своего отступления города и сёла. Война ещё не кончилась, хотя за четырнадцать шагов до дома Павлова войну эту повернули обратно: от Волги — на Берлин. Четырнадцать шагов на площади перед домом на Пензенской были те последние шаги, которые враг не смог сделать по нашей земле.

Подлечившись, Яков Федотович снова отправился на фронт. Он попал в новый полк, храбро воевал и снова был ранен. Потом опять стал в строй, вновь бил ненавистных врагов. Теперь Павлов воевал на севере, у берегов Белого моря. Конечно, будь Яков Федотович чуть менее скромным, разве не рассказал бы он своим новым товарищам, как воевал в Сталинграде! И тогда его новые товарищи узнали бы, что это он, тот самый знаменитый Яков Павлов. Но в том-то и дело, что самые смелые люди бывают и самыми скромны-

ми. Настоящий герой никогда не кичится своими подвигами и твёрдо знает, что «я» — последняя буква алфавита. Так и Яков Федотович Павлов. По своей солдатской скромности, он не рассказывал товарищам о своём подвиге в Сталинграде. И звезда Героя не была ему вручена.

Прошло больше года, как освободили Сталинград, как вместе с солдатами-сталинградцами, вместе с Яковом Павловым вышла на свет Светлана.

Война подходила к концу.

В последние месяцы боёв Яков Федотович догнал свою армию, в составе которой воевал в Сталинграде. Теперь эта армия дошла до самого Берлина.

9

Сошёл снег. Звонко тикала капель. Солнце купалось во всех лужах. И первые клейкие листочки появились на деревьях. Изю дня в день прибавлялось тепла, и солнце становилось более ласковым.

Весна!

Весна 1945 года была особенно радостной.

Горел рейхстаг. Фашистские знамёна валялись на земле.

Победа!

На почерневшей стене рейхстага наши солдаты вывели мелом:

«Мы пришли сюда за тем, чтобы вы к нам больше не ходили».

А чуть пониже размашисто было написано:

«Мы из Сталинграда».

Это высекли железом на камне солдаты полковника Кубанова, товарищи сержанта Павлова, которые прошли огромный и тяжёлый путь от Сталинграда до Берлина.

Теперь здесь, в Берлине, генерал армии обходил стройные ряды наших воинов-победителей, которые уезжали из Германии домой. Он поздравлял солдат, и в ответ раскатисто гремело:

— Служим Советскому Союзу!

Внимание генерала привлёк сержант, у которого на гимнастёрке было много боевых медалей и красно-золотые нашивки. Золотые нашивки говорили о тяжёлых ранениях. Не часто бывало, чтобы после таких ранений возвращались в строй.

Генерал армии спросил сержанта, как его зовут.

Сержант ответил:

— Яков Павлов, гвардии сержант!

Генерал армии крепко обнял и поцеловал героя. Он понял, что это и есть тот самый Павлов. А на следующий день Якову Федотовичу была вручена Золотая Звезда Героя Советского Союза.

Отыскался Яков Павлов, но родственников Светланы никак не удавалось найти.

Может быть, Светлану узнают жильцы дома, который отстоял Павлов? Вместе с другими сталинградцами жильцы эти переправлялись из-за Волги в родной город. Но жить им было пока что негде: город был в развалинах — камни раскрошены, железо покорёжено, дерево сожжено. В Сталинграде не было ни воды, ни света. Люди ютились в землянках, воду носили в вёдрах из Волги, освещались коптилками. Над самой большой землянкой прибили досочку: «Школа», а рядом был «Детский сад» — в той самой землянке, где размещался командный пункт полковника Кубанова.

Теперь сюда, в подвал, матери приводили по утрам малышей и забирали их вечером, после работы. Только у Светланы не было ни отца, ни матери, ни родственников. Она, так же как и во время боёв, жила в семье бойцов полковника Кубанова. Здесь уже знали, что Павлов нашёлся, награждён, что его даже ждут в Сталинграде.

Вот когда, может быть, удастся узнать что-нибудь о родственниках Светланы! Ни один из жильцов павловского дома её не узнал. Но ведь там, в подвале этого дома, Светлана была с мамой, и, может быть,

Павлов успел узнать, как зовут эту женщину с ребёнком? А затем, пользуясь именем матери Светы, можно будет разыскать отца девочки. Не отсюда ли — от храброго сержанта — надо начать розыски родственников Светланы?

10

А что же произошло с домом на Пензенской? Продолжал ли стоять разрушенным этот дом?

Нет, ничуть не бывало!

Дом Павлова начали восстанавливать самым первым в Сталинграде. В первые дни после освобождения города к этому дому на Пензенской подошла женщина с двумя вёдрами воды на коромысле. Несколько минут молча простояла она перед разрушенными стенами, потом опустила коромысло, поставила вёдра на землю и сделала четырнадцать шагов от первого подъезда до бровки бывшего фашистского окопа.

Повернувшись, женщина посмотрела на дом. Были сумерки, но всё равно на стене, избуравленной пулями, чётко выделялась надпись:

«Отстоим родной Сталинград!»

Это высек на стене Яков Павлов более двух месяцев назад.

Женщина нагнулась, подняла с земли осколок снаряда и чуть пониже надписи Павлова написала этим осколком:

«Отстроим родной Сталинград!»

Вторая подпись отличалась от первой одной только буквой.

Потом женщина подняла вёдра и пошла вверх по улице — туда, где над землянкой бывшего командного пункта висела табличка: «Детский сад».

Женщину звали Александра Черкасова. Она была воспитательницей в детском саду: днём играла и занималась с детьми, кормила с ложечки ослабевших и больных, а старших и более крепких приучала к ра-

боте. Работы всякой в городе, разбитом и не устроенном для жизни, было хоть отбавляй.

Нелёгкая жизнь была у Александры Черкасовой. Трудно работать в землянке — детском саду — без окон и дверей, без света, тепла и воды. А после работы у Александры Черкасовой были заботы и о том, чтобы принести воду в свою землянку, о том, чтобы раздобыть топливо для своей печурки, сварить себе еду, постирать.

Нет, слово «своё» не заслоняло у этой женщины слово «наше». Это «наше» было у неё главным в жизни. Александра Черкасова не только написала на доме Павлова, но и обратилась с призывом ко всем женщинам родного города:

«Отстроим родной Сталинград!»

После работы в детском саду она и десятки других сталинградских женщин надевали грубые холщовые передники и превращались в каменщиков и плотников, штукатуров и землекопов. Первый дом, который взялись восстанавливать черкасовки (так называли этих женщин — строителей-добровольцев), был четырёхэтажный дом на Пензенской улице.

Так возвращался к жизни дом Павлова. От стены к стене легли полы, захлопали двери, появились оконные рамы, и вот уже блеснули стёкла. А затем дом этот точно шапку надел — обзавёлся крышей, и над ней закурчался дым из трубы.

Ожил дом Павлова. Черкасовки хорошо оштукатурили стены, оставив нетронутым одно только местечко на стене, израненной пулями и осколками, — там, где была надпись о том, что дом этот отстоял гвардии сержант Яков Федотович Павлов.

Вслед за домом Павлова один за другим стали возвращаться к жизни дома Сталинграда, и среди них первым был дом для детей, которые в войну потеряли родителей. Это было кирпичное здание, наскоро приспособленное для жилья. На фанерной дощечке у входа было написано: «Детдом».

Почти каждый день приходила сюда Елена Крылова в гости к Светлане. Однажды Светлана спросила Крылову:

— Тётя Лена, а та картина в кино про войну будет?

В детдоме Светлана уже видела кинокартины и теперь знала, что это такое.

— Нет, — сказала Крылова, — той кинокартины не будет.

— Почему?

— А вот почему, Светочка: когда мы с тобой выбирали места, где её снимать — там были одни только развалины. Ну, уехал этот человек за артистами и за всем, что нужно, чтобы снимать картину. Приехал он через полтора месяца, а развалин там уже нет — отстроили. Вот и получается, что здесь эту картину снимать не будут.

— Вот и хорошо! — сказала Светлана. — Я не хочу про войну. Лучше пусть будет картина про мирные времена. Вот у нас мальчишки играют всё в войну и в войну. А я хочу играть в мирные времена. Тётя Лена, а будут мирные времена, а?

— Да, — сказала Крылова, — будут, обязательно будут!

Война ещё не окончилась, а Сталинград восстанавливался. Можно было видеть, как большой, многоэтажный дом чернеет копотью обожжённых стен и глубокими провалами окон, а где-то сбоку, в первом этаже, светится ярким абажуром одно только окно. Справа, слева и над ним чудовищные развалины — голые стены, провалы окон и дверей, голубое небо вместо крыши. Здесь же люди восстановили пока что одну комнату, протянули от столба электрический провод, зажгли свет, а в форточку, как дуло орудия, высунули трубу маленькой печки...

Когда Елена Крылова пришла в детдом прощаться со Светланой, она увидела уже ровный ряд детских кроватей, чисто выбеленные стены, белые занавески.

вески на окнах. Детдом был теперь совсем отстроен, обставлен новой мебелью, а во дворе уже вылезали из земли первые острые стебельки будущего цветника.

Изменилась и Елена Крылова. Вместо шинели на ней было пальто, вместо кирзовых сапог — туфли. От военного времени оставалась только шапка-ушанка.

Светлана протянула Крыловой бумажку, сложенную треугольником:

— Тётя Лена, почитай!

— От кого? — спросила Крылова.

— От Птахи.

— А тебе не читали?

— Читали. Только я хочу ещё раз послушать.

— «В первых строках этого письма, — читала Елена, — шлю привет нашей любимой дочке Светлане от бойцов-сталинградцев — твоих однополчан...»

Пока Крылова читала Светлане письмо, к ним подошёл мальчик, стриженный под машинку, отчего голова его казалась круглой, как арбуз. Он слушал так же внимательно, как Светлана, а когда Крылова кончила читать, сказал:

— И мне батька пишет. А мамки у меня нет — убили. А ты, тётя, её мама? Да? Ты была военная? У тебя пистолет был?

— Нет, — сказала Крылова, — у меня пистолета не было.

Мальчик потрогал пальцем шапку-ушанку, что лежала рядом с Крыловой, и ушёл. А Светлана вдруг уткнулась в Еленины колени и громко заплакала.

11

Яков Федотович приехал в Сталинград после того, как была закончена работа бригады Александры Черкасовой, которая восстанавливала дом на Пензенской улице. Павлов прошёл по комнатам, ещё

пахнувшим стружкой и свежей краской, на лестнице посторонился, когда мимо него перетаскивали большой шкаф, спустился в нижний этаж, выглянул в окно на улицу. Окно это теперь показалось ему очень большим.

Впереди, в нескольких шагах, дымилась чёрная каша асфальта. Молодой парень в кителе без погон приглаживал дымящуюся кашу большим механизированным катком. Слева, откуда обычно шли атаккой фашисты, асфальт уже просох, из чёрного превратился в серый. Дети расквადрировали его и, прыгая на одной ноге, играли в «классы».

Павлов посмотрел на дом, потом в сторону реки и, снова оглядев дом, опустил глаза к расквадрированному асфальту. Он чуть наморщил лоб, припоминая что-то или высчитывая.

«Да, так и есть. Вот сюда, ко второму квадрату, куда мальчик подтолкнул ногой камешек, подошёл тогда фашистский автоматчик с закатанными до локтей рукавами. Он был ближе других фашистов к дому и отсюда уже никуда не ушёл...»

— Дяденька, вы кого ищете? — спросил мальчик.

— Играй! — сказал Павлов.

На улице перед домом было шумно. Вкатилась большая автомашина с мебелью и узлами. Сверху, где были эти узлы, свалилась детская ванночка и загрохотала по мостовой. Потом зашипел фиолетовый огонёк сварки. Это сваривали железную ограду.

Павлов вышел во двор, помог женщине, которая укладывала в ванночку узлы с вещами, потом подошёл к ограде, оглядел издали весь дом.

— Ну как? — спросила, подойдя к нему, Александра Черкасова.

— Хорошо! — сказал Павлов.

Он подошёл к стене и написал на оштукатуренных кирпичках:

«Дом принял восстановленным. Я. Павлов».

Потом крепко пожал обе руки Александре Черкасовой:

— Спасибо!..

От Александры Черкасовой Павлов узнал о Светлане.

— Ведь вас давно тут ждали, — сказала она Якову Федотовичу. — Всё надеялись — может, вы знаете что-нибудь о родных этой девочки.

— Нет, — сказал Павлов, — я о ней ничего не знаю. Видел только её и мать минуты две, не больше.

Яков Федотович в тот же день уехал из Сталинграда, и повидать Светлану ему не удалось. Однако спустя несколько лет Павлову снова довелось побывать в городе, где он воевал. Яков Федотович знал, что, после того как часть полковника Кубанова покинула Сталинград, Светлана осталась жить в детском доме, а когда ей исполнилось восемь лет, пошла в школу.

В этот день на улицах Сталинграда было особенно много цветов. С пёстрым букетом шла и Светлана.

В конце августа в Сталинград приехала в отпуск Елена Крылова. Она проверила всё, что Светлана подготовила в своём шкафу ко дню первого сентября, и чуть подобрала плечики на её белом школьном переднике, хотя Света считала, что передник её как раз впору. Такие передники вместе с новым платьем, сумкой и всякими письменными принадлежностями выдали в детдоме всем, кто в этот день впервые шёл в школу.

К первому занятию Светлану провожала в школу Елена Крылова. На площади Павших бойцов она купила букет цветов для Светиной учительницы. Справа и слева, вдоль всей широкой сталинградской улицы, шли мальчики и девочки — сосредоточенные, чуть озабоченные, с такими же сумками, как у Светланы, и с букетами в руках.

Школа... Не сразу привыкла к ней Светлана. В первый день, на втором уроке, она поднялась и, по-

ставив ногу прямо на парту, начала зашнуровывать новый ботинок.

— Света, ты что? — спросила учительница.

— Ничего. Развязался.

— А разве так делают?

— А как?..

Светлана ещё не понимала, что школа — это дисциплина и порядок. Ей казалось, что и тут она играет, как в малышовой группе детского сада.

Светлане очень нравились перемены, и, когда зазвонил звонок, она сказала: «Не пойду, ещё поиграю». Но все девочки побежали в класс, и ей пришлось идти за ними. Зато в середине последнего урока Светлана спокойно взяла сумку и зашагала к двери.

— Света, ты куда? — остановила её учительница.

— Домой. В детдом. К нам сегодня шефы приедут.

— Нет, Светочка, останься, — сказала учительница. — Кончится урок, и тогда ты пойдёшь со всеми.

Когда прозвенел звонок, Светлана вышла из класса, но её ещё не отпустили домой. Вместе с девочками и мальчиками своего класса она прошла в большой зал, где стояли в ряд старшекласники — такие высокие, что Светлане странно было видеть на девочках белые передники, а на мальчиках серые кители со светлыми пуговицами. И младшие, впервые пришедшие в школу, выстроились против своих старших товарищей. Каждый старший школьник протянул каждому новичку корзинку спелых яблок, груш и винограда. А потом высокая длиннорукая девушка сказала, обращаясь к новичкам:

— Мы дарим вам эти плоды в знак того, что наша родная школа научила нас не только грамоте, без чего человек в жизни слеп, но и труду, без чего человек в жизни как без рук. А ведь про многих учеников нашей школы говорят, что у них золотые руки. После войны земля вокруг нашей школы была

так усеяна осколками снарядов, что их можно было сгребать лопатой. Теперь на этой сталинградской земле вырос сад. Я и мои товарищи на земле, отвоёванной кровью наших отцов, научились растить деревья, собирать плоды, перевязывать молодые стволы, удобрять землю. В этом году я кончаю школу и на всю жизнь останусь в саду: буду агрономом-садоводом...

Светлана слушала высокую девушку, и ей особенно понравились её слова о том, какое огромное счастье сознавать: это сделали мои руки. Человек, знающий труд, крепко, уверенно стоит на земле и не только знает мир вокруг, но живёт в нём хозяином, а не гостем: он по-хозяйски обращается с землёй, с металлом, с деревом — со всем, из чего можно добыть хлеб, построить дома, создать чудесные вещи для человека. Светлана держала двумя руками корзину с фруктами, слушала девушку-садовода и думала: «А я буду портнихой».

Уже несколько раз тётя Лена учила её из простого куска материи вырезать, а потом сшивать разные красивые вещи. Светлане очень нравилась эта работа. Она и сама попробовала сшить передник для своей куклы, но передник этот получился как-то на один бок, и Светлана поняла, что ей ещё очень далеко до искусства тётя Лены. У той иголка в руках просто летала, как ласточка. Тётя Лена никогда не накалывала себе пальцы, и стежки при этом получались ровные, всё равно как простроченные на швейной машине. А какое платье было на тётя Лене! В нём её сразу и не узнать было.

— Это в честь твоего поступления в школу, — сказала тётя Лена Светлане.

Школа много радостей принесла Светлане: раскрыла перед ней сотни книг, в которых раньше она разве что могла рассматривать картинки. А теперь каждая книга — окно в новый, чудесный мир. В школе Светлана научилась сама читать письма, которые присылали ей бойцы и офицеры части полковника

Кубанова. Здесь же, в школе, она нашла своих лучших подруг среди девочек, которые и жили с ней вместе в детдоме и учились в одном классе. Горе у Светы — расскажет подруге, и легче на душе. Радость — «Давайте, девочки, споём!» И становится ещё веселее. А мальчишки научили её костёр разжигать на ветру, строить шалаши, рыбу удить в Волге, ограду ставить вокруг новой школы.

Сюда-то, к новой, недавно отстроенной школе, и пришёл Павлов. Но ступеньки одной из наружных лестниц в этом восстановленном здании провалились, перил здесь совсем не было, огромные куски бетона были раскрошены в порошок. Однако это не были недоделки.

Часть этой школы оставили разрушенной в память Великой Отечественной войны. Ведь для того, чтобы всегда был мир, надо не забывать про войну.

К школе Павлов подошёл чуть позже полудня. Младшие классы первой смены кончили уроки, и теперь ребята, обгоняя друг друга, выбегали на улицу. Павлов остановил одну из девочек:

— Не знаешь, где мне найти Светлану?

Ему было неловко оттого, что он не знал фамилии девочки. И в детском доме, где он побывал утром, ему сказали только, что в этом году Света пошла в школу. Учится она в первом классе, а к доске учительница вызывает её просто так, по имени.

Сейчас Яков Федотович думал о том, что разыскать эту Светлану среди других Светлан будет не так-то легко. Но вышло всё не так, как думалось. Девочка, которую он спросил о Свете, сказала:

— Вам Свету, у которой нет фамилии? Да?.. А вот она прыгает через ступеньки. Видите?

Павлов увидел девочку с двумя косичками. Она прыгала через ступеньки, от чего косички вздрагивали и бантики на них смешно подрагивали.

Яков Федотович стал посредине лестницы — прямо на дороге у девочки. С разбегу она уткнулась в не-

го, подняла глаза — большие и светлые, — и Павлов узнал девочку, которую он видел тогда, в страшные дни, в подвале на Пензенской.

— Пустите! — сказала девочка.

— А ты меня знаешь?

— Нет... Вы кубановский? — Хмурость сошла, Светлана улыбнулась. — Кубановский?! Да? Мы с вами были в землянке?

— Нет, — сказал Павлов. — Я не кубановский, а всё равно мы с тобой знакомы.

Вечером, когда Волга стала оранжевой, а небо над Сталинградом тёмно-красным, каким оно бывало и днём во время войны, к дому Павлова подошли двое: невысокий худощавый человек военной выправки с депутатским значком и звездой Героя на гимнастёрке и девочка с двумя косичками.

У дома стояли люди, одетые пёстро, не по-нашему. На них висели фотоаппараты и бинокли. Вероятнее всего, это были иностранные туристы. В этой группе людей был и наш железнодорожник с усами, как у Тараса Бульбы. Должно быть, это был старый кондуктор.

Люди стояли молча. Только пожилой железнодорожник несколько раз вышагивал от пьедестала, на котором стояла башня танкетки, до первого подъезда. При этом он повторял, ни к кому не обращаясь: «Четырнадцать... Ты подумай! — И снова прошагивал это расстояние — последние шаги, которые не смог сделать враг по нашей земле! — и опять повторял: — Четырнадцать... Аккурат, Ты подумай!»

Можно было предположить, что его поражало не только то, что фашисты стояли так близко от дома Павлова, но и то, что расстояние это не увеличивается — остаётся неизменным, сколько ни вышагивай.

У порога дома, прямо на асфальте, лежали белая роза и букетик из мелких ромашек и синих васильков.

— Тут всегда цветы, — сказала девочка. Она чуть приподнялась на носки, потому что говорила шёпотом — только ему, своему спутнику.

Они постояли молча ещё несколько минут.

Железнодорожник собрался уходить. Он почему-то дотронулся до стенки дома, потом нагнулся, понюхал розу и бережно положил её обратно.

— Хорошо пахнет! Роза... — Он говорил, ни к кому не обращаясь. — Интересно, живой ли Павлов?

— Живой, — сказал Яков Федотович.

— Ну, правильно!

Железнодорожник достал из кармана складной нож и аккуратно сложенный носовой платок. Затем он нагнулся, накопал в платок горсть земли, бережно завязал уголки платка. В последний раз посмотрев на дом, на пьедестал с танкеткой, он торопливо ушёл. Должно быть, он опаздывал на поезд.

Уходили и туристы, но приходили другие, и возле дома всё время был народ. Многие приносили с собой цветы, опускались на колени, клали их у стен дома.

— Пойдём, Света, — сказал Павлов.

Они пересекли широкий проспект, спустились к Волге и пошли по-над рекой.

Неожиданно Светлана спросила:

— Яков Федотович, а вы помните, какая она была?

Павлов не сразу ответил. Он понял, о ком спрашивает девочка, но очень уж этот её вопрос был неожиданным. И ещё понимал Яков Федотович, что он для Светланы единственный человек на земле, который видел её мать и может хоть что-нибудь о ней рассказать.

Что же сказать ей? Как объяснить, что тогда было слишком мало времени, чтобы разглядеть женщину, и очень уж было напряжённо, чтобы обратить внимание, какая она, и запомнить. Как же ответить на вопрос Светланы? Сказать ей неправду? Выдумать? Нет, этого Павлов не умел!

Люди стояли молча.

Света молчала, но Павлов понимал, чувствовал, что она ждёт ответа. И он сказал:

— Когда я подошёл к подвалу, твоя мама чуть слышно напевала. Сначала я думал, что это ветер. А вошёл в комнату и увидел, что она нагнулась над тобой, укачивала тебя и тихо так пела: «Баю-бай, баю-бай, испеку я каравай...»

— Она любила меня, — сказала Светлана...

Смеркалось. На Волге бакены подмигивали разноцветными глазами. В густой синеве неба медленно двигались цепочки огней — это плыли пароходы, большие, как дома.

Потемнело так, точно небо залило тёмно-фиолетовыми чернилами. А молочно-белые шары на высоких столбах стали вдруг золотистыми. Это зажгли фонари, которые шли от Волги через весь бульвар.

Павлов и Светлана поднимались по новой широкой лестнице, что ведёт от пристани в город. Темнота ночи оставалась позади. С каждой ступенькой становилось всё светлее и светлее.

Когда Яков Федотович и девочка поднялись наверх, вдруг сверкнули недалёкие вспышки праздничного салюта. Раскатисто громыкнули орудия, и весь город озарился ярким светом прожекторов и разноцветных ракет. Казалось, будто букеты чудесных цветов раскинулись по всему небу. Погасли тени, зацвели облака.

Показывая рукой на небо, Павлов сказал:

— Твой день рождения, Света.

— Может быть, — ответила девочка.

Павлов молчал. Он знал, что Светлане установили день рождения приказом по части. Конечно, можно было бы выбрать любое число, но полковник Кубанов решил выбрать для этого дня большой праздник — праздник Октября. И вот теперь всегда в день рождения Светланы всё небо в ярких огнях праздничного салюта. Но этот ли день действительно день рождения Светланы? Кто знает?

— Да, — помолчав немного, сказала Света, — сегодня я получила много писем. Раньше в детском доме удивлялись: «Откуда тебе столько писем?» Я и сама удивлялась, хотя нас там много было, на командном пункте у полковника Кубанова... Да, Яков Федотович, знаете, я просила, чтобы фамилия у меня была Кубановская. Я, конечно, не помню его, но вот, когда приезжали ко мне тётя Лена Крылова, и Птаха, и другие тоже, рассказывали, какой он был — Кубанов.

...Отгрохотали залпы салюта. Последняя ракета, точно она заблудилась в необъятном небе, погасла, не долетев до земли.

Светлана шла рядом с Яковом Федотовичем. Он старался делать маленькие шаги, чтобы девочке удобнее было идти.

— Ты что задумалась? — спросил Павлов.

— Не видит мама этого салюта, — тихо сказала Света.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге просим присылать по адресу: Москва, Д-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Для младшего школьного возраста

Марк Семенович Ефетов

ДЕВОЧКА ИЗ СТАЛИНГРАДА

Р а с с к а з

Ответственный редактор *Л. И. Гульбинская*
Художественный редактор *Г. С. Вебер*
Технический редактор *Э. Н. Виленская*
Корректоры *Е. С. Карташова* и *В. К. Мирингоф*

Сдано в набор 23/X 1958 г. Подписано к печати 23/XII 1958 г. Формат 60 × 92^{1/16} — 3 печ. л. = (2,16 уч.-изд. л.). Тираж 500 000 экз. Цена 75 коп. Детгиз, Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза, Москва, Суцевский вал, 49. Заказ № 1138.

Цена 75 коп.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

В библиотеке «Книга за книгой» для детей младшего школьного возраста в 1959 году издаются:

Аксаков С.	— Аленький цветочек.
Сказка
Гоголь Н.	— Ночь перед рождеством.
Повесть
Некрасов Н.	— Стихотворения, посвящённые русским
детям
Погорельский А.	— Чёрная курица.
Сказка
Пушкин А.	— Сказка о рыбаке и рыбке
Сборник	— День работой весел.
Сборник пословиц народов СССР о труде
— » —	Детям на потеху.
Русские народные песенки, загадки, по-
словицы
— » —	Грушевое дерево.
Сказки разных народов
Толстой Л.	— Павлин.
Сборник рассказов
Емельянова Н.	— Во весь рост.
Рассказы
Ефетов М.	— Девочка из Сталинграда.
Рассказ
Надеждина Н.	— Партизанка Лара.
Рассказ
Катаев В.	— Электрическая машина.
Маленькая повесть о забавных приключе-
ниях Пети и Гаврика — героев книги
«Белеет парус одинокий»
Лебеденко П.	— Доброе сердце — дороже красоты.
Сказки о донских казаках
Офин Э.	— Женька. Дачники.
Рассказы
Пантелеев Л.	— Честное слово.
Рассказы о детях
Перовская О.	— Васька.
Рассказы о животных
Сотник Ю.	— Как я был самостоятельным.
Весёлые рассказы о детях
Чаплина В.	— Орлик.
Рассказы о животных